

Экономическая теория и проблемы современного развития в новой книге Г.В. Колодко

УДК 330.1

ББК 65.01

К - 493

В.Г. Клинов

Изменения в мировом хозяйстве, происходящие под влиянием глобализации и преобразования административно управляемых экономик в рыночные, а также рецессия 2008-2009 гг. обнажили несоответствие господствующих школ в области экономической теории вызовам современности. Выявилась их неготовность дать основу для решения актуальных задач экономической политики.

Анализу современных процессов в мировой экономике и попытке выработать критерии «хорошей экономической теории», без которой, как утверждает Гжегож Витольд Колодко, невозможно построить «хорошую стратегию и хорошую политику социально-экономического развития» (с. 65), посвящена его последняя книга. Также, утверждает он, «опираясь на ошибочную теорию можно реализовать только ущербную экономическую политику» (с. 116). Нельзя, однако, рассчитывать на то, что будут найдены ответы на все случаи жизни. «Экономическая наука... касается живого организма, и сам предмет изучения непрестанно меняется» (с. 52).

Фигура Г.В.Колодко в современной Польше сопоставима с личностью Лешека Бальцеровича. У обоих были два периода, когда они занимали посты вице-премьера и министра финансов в польских правительствах. Оба осуществляли системную трансформацию экономики страны, но результаты их деятельности, если судить по показателям экономического роста, различны, если не противоположны.

Л.Бальцеровичу принадлежит пальма первенства, ибо по его плану в 1989 г. началась и продолжалась под его руководством до конца 1991 г. трансформация, получившая название «шоковой терапии». С точки зрения показате-

лей экономического роста, периоды его правления были провальными. В 1990 и 1991 гг. ВВП сокращался, а безработица росла.

Второй период его руководства экономическим блоком правительства с конца 1997 до начала 2001 г. сопровождался снижением темпов прироста ВВП. В 1998 г. он опустился до 5% против 7,1% в 1997 г. К 2001 г. (когда Бальцерович переместился в кресло председателя Национального банка Польши и занимал его до начала 2007 г.) этот показатель упал до 1,1. Низшая отметка, 0,6% в годовом исчислении была пройдена в первой половине 2002 г. (с. 117).

Г.В.Колодко отвечал за экономическую политику в правительстве в 1994-1997 и 2002-2003 гг. В первом периоде темпы прироста ВВП не только повышались, но и достигли рекордной отметки в 7,1% в 1997 г. В 1996 г. Колодко был назван лучшим министром финансов стран Центральной и Восточной Европы, а Польша стала членом ОЭСР. Во втором сроке Колодко отмечалось интенсивное повышение темпов прироста. Во второй половине 2002 г. темп прироста был в три раза выше, чем в первой половине 2002 г., а в 2003 г. – в два раза выше, чем во второй половине 2002-го (там же). В 2004 г. Польша вступила в ЕС.

Остается открытым вопрос, в какой степени смена тенденций в экономическом росте одной страны или различия между странами обязана экономической политике, а в какой – стечением благоприятных или неблагоприятных обстоятельств. Аргументация самого Г.В.Колодко противоречива.

Нет оснований упрекать автора в том, что он не отдаёт должное объективным процессам, хотя форма их отражения не безупречна. «Все

происходит так, как происходит, потому что многое происходит одновременно. Это касается как больших успехов и эффектных побед, так и злополучных поражений и катастроф, которые случаются в любой сфере человеческой деятельности» (с. 55). Далее в книге это называется «теорией стечения обстоятельств развития» (с. 126). Такой стохастический подход до недавнего времени был характерен для основного течения англо-саксонской экономической мысли, критиком которого выступает Колодко. Циклический характер капиталистической экономики объяснялся не закономерностями процессов модернизации и роста капитала, а случайным стечением то благоприятных, то неблагоприятных условий экономического роста.

Колодко имел все основания утверждать, что предпосылки для трансформации были «гораздо лучше в Польше, чем на Украине» (там же). Также как Л.Бальцеревич признавал, что «политические условия для экономических реформ в России были более тяжёлы, чем в Польше. При этом Гайдар и его команда имели меньше времени на радикальные реформы».¹

Противоречия в аргументации Колодко обнаруживаются, когда речь заходит об экономической политике. С одной стороны, он осуждает политику шоковой терапии, не называя её автором по имени. Он считает шоковую терапию производной от неолиберализма. «За последние 25 лет мы в большинстве своём стали жертвами неолиберализма, этой большой утопии, доминировавшей в общественной и особенно экономической мысли XX века» (с. 166).

С другой стороны, он признаёт, что экономисты были «застигнуты врасплох изменениями на рубеже 1980-х 1990-х годов, их глубиной и остротой» (с. 55). Его уверенность в преимуществе концепции социального рыночного хозяйства по сравнению с неолиберальной моделью плохо вяжется с признанием, что «не только в начале трансформации, но и до сих пор у нас отсутствует её теория» (с. 107).

Спор возникает не по поводу того, какая модель лучше, с точки зрения гуманистических идеалов, а какая из них жизнеспособней в условиях обострения конкуренции, вызванного процессами глобализации.

Накопленный за 20 лет опыт рыночной трансформации позволяет утверждать, что

далеко не всегда успех или неуспех, измеряемый темпами экономического роста, является производным от экономической политики, а высокие темпы экономического роста не обязательно свидетельствуют о благополучном состоянии экономики. Опыт России 1990-х и первого десятилетия XXI века, наглядно показал, насколько темпы роста ВВП могут зависеть от цен на углеводородное сырьё на мировом рынке, от хищнической эксплуатации природных ресурсов. Он также продемонстрировал возможность ускорения экономического роста на фоне общей деградации основных производственных фондов и обрабатывающей промышленности особенно.

«Золотая последовательность» экономического роста Польши в 1995-1997 г., когда темпы роста инвестиций в 2-3 раза превышали рекордно высокие темпы роста ВВП (с. 113), также имела оборотную сторону, из-за чего не было обеспечено развитие на длительную перспективу. Как признает Колодко, наблюдался крен в сторону инвестиций в финансовый сектор, рынок недвижимости и торговли и недостаток вложений в обрабатывающую промышленность и инфраструктуру (с. 105).

Обратимся, однако, к оценке автором объективных процессов, обозначенных в названии книги, чтобы затем вернуться к проблеме выработки адекватной экономической теории и политики.

Глобализация характеризуется Колодко как «исторический процесс либерализации и последующей интеграции, ранее относительно изолированных рынков капитала, товаров и (с некоторой задержкой и в ограниченных масштабах) труда в единый мировой рынок» (с. 29). В этом определении даётся описание, но не характеристика механизма развития глобализации. Опираясь на основы экономической теории, заложенные Адамом Смитом, можно утверждать, что процессы специализации и кооперации в области воспроизводства, тем более мирового масштаба, способствуют ускорению развития производительных сил. Интенсифицируется при посредстве интернета процесс накопления научно-технического и организационного потенциала, его применение в производстве и сбыте продукции, а также совершенствуется система технического обслуживания потребителей машин и оборудования.

Прогрессивная сторона процесса глобализации, характеризующаяся ускорением развития производительных сил, имеет оборотную сторону. Имеется в виду ужесточение общественных отношений, обострение конкуренции и усиление неравномерности распределения доходов. Обе стороны глобализации нашли отражение в монографии Колодко. Автор отмечает, что «глобализацию можно также рассматривать как экономическую игру, в ходе которой возникают дополнительные возможности и дополнительные угрозы» (с. 33).

От глобализации выигрывают все, поскольку «в среднем производство растет быстрее, чем это было бы при отсутствии глобализации. Жизнь всего человечества – а не только жителей отдельного региона или страны становится лучше» (с. 43-44). Однако по ряду причин, о которых пойдёт речь в дальнейшем, рост благосостояния идёт неравномерно и «получивший в этой игре меньшую награду склонен считать себя проигравшим. Хотя в действительности он таковым не является» (с. 46).

Колодко называет ряд важных объективных причин, по которым в условиях глобализации «экономическое расслоение человечества... нарастало» (с. 44). В числе обстоятельств, обуславливающих увеличение разрыва между странами, упоминается разница в географическом положении (с. 33).

Автор делает акцент на том, что «больше всех от глобализации выигрывают сильнее в экономическом и политическом отношении государства, чьи ресурсы капитала (в первую очередь, высококачественного человеческого) являются источником их гигантского конкурентного превосходства в условиях глобальной структуры» (с. 42).

Судя по всему, подразумеваются наиболее развитые в экономическом отношении страны. В этом сказывается недооценка автором значения для мировой экономики возрастающей конкуренции со стороны крупнейших быстро развивающихся экономик мира, Китая и Индии, хотя об увеличении их веса в мировом хозяйстве автор упоминает (с. 128). Преимущество этих стран не ограничивается огромными ресурсами дешёвой рабочей силы. Они быстро наращивают свой человеческий капитал и научно-технический потенциал. Число студентов в Китае за 20 лет увеличилось в 4 раза. Доля

научных сотрудников развивающихся стран в мировой численности увеличилась за период с 2002 по 2007 г. с 30 до 38%.²

Автор отмечает рост неравномерности распределения доходов в странах, переживающих системную трансформацию, оперируя величиной коэффициента Джини (с. 79, 144). Однако собственное утверждение, что повышение коэффициента Джини до величины 0,35 «начинает действовать против экономического роста» (с. 79), он вынужден далее в книге опровергнуть, признав, что опыт развития при коэффициенте равном 0,37 во Вьетнаме (2004 г.) и Китае – 0,47 (2007 г.) «доказывает нечто другое» (с. 144). Следует сказать, что норма сбережений повышается вместе с коэффициентом Джини, но использование сбережений для финансирования капиталовложений зависит от инвестиционного климата.

Основной пафос автора направлен на то, чтобы показать негативную роль неолиберализма в усилении неравномерности распределения доходов. Обвинение выдвигается в адрес «свободного рынка и бесконтрольного движения капитала, усугубляющих неравенство в современном мире и порождающих растущий слой отверженных» (с. 38).

На самом деле, черты, приписываемые автором неолиберальному течению экономической мысли, в большей степени характерны для его консервативной ветви. В США – это идеология правого крыла республиканской партии, отстаивающей интересы мультимиллионеров, миллиардеров и настаивающих на ограничении роли государства в экономике. Резкий уклон в сторону консервативной идеологии наблюдался с приходом в руководство республиканской партии и страны Джорджа Буша-младшего (2001-2009 гг.).

Весьма характерный акт того периода – это поэтапное снижение налога на наследование недвижимости, который затрагивал интересы лишь 2% наследников, которым доставалось имущество, достаточно большое, чтобы платить соответствующий налог. Один процент населения, с самыми высокими доходами, выплатил 2/3 суммы налога на наследство, высшая по доходам, 10%-ая группа, обеспечила 96% поступлений по этому виду налогов.³

Наиболее тяжелые последствия, приведшие к кризису финансовой системы и явившиеся

одной из важнейших причин тяжести рецессии 2008-2009 гг., вызвало в период президентства Джорджа Буша-младшего снятие ограничений в деятельности хедж-фондов, страховых компаний и инвестиционных банков. Такого рода компании получили равные с традиционными коммерческими банками права в области мобилизации сбережений, которые они использовали для финансирования операций с ценными бумагами, не будучи, в отличие от коммерческих банков, ограничены строгими нормативами кредитования.

Рискованные операции, оборачивавшиеся банкротствами, сопровождалась выплатами огромных бонусов руководству компаний, в том числе и сразу после спасения таких компаний с помощью государственных субсидий. В первом десятилетии XXI века доход среднего представителя высшего слоя руководства американских компаний (свыше 9 млн долл. в год) в 367 раз превышал доход среднего рабочего. В 1970 г. разница была 30-кратной.⁴

Перераспределение доходов, осуществляемое с помощью государственных институтов, в пользу тех, у кого первичные доходы выше, не является причудой американских консерваторов. Колодко приводит удивительные примеры того, как распределяются средства Европейского сельскохозяйственного фонда развития (*European Agricultural Fund for Rural Development, EAFRD*). В Испании сумма субсидий, достигающая 7 (!) привилегированным фермам, такая же, какая распределяется между самыми маленькими хозяйствами в этой стране численностью 12 700. Во Франции 15% сельских предприятий, принадлежащих к высшему слою по уровню доходов, получают 60% поступающих в эту страну средств Европейского сельскохозяйственного фонда развития (с. 75).

Колодко склонен считать рецессию 2008-2009 г. началом «системного кризиса современного капитализма, а точнее – его неолиберальной мутации» (с. 129). Корни кризиса он усматривает в «англо-американской модели», полагая, что кризис «не мог проявиться в странах с налаженной социальной рыночной экономикой, например, в скандинавских странах» (с. 132). Кризис финансовой системы действительно начался в США и явился важной составляющей рецессии 2008-2009 г., но упрек следует адресовать не в адрес неолиберализ-

ма вообще, или так называемого «Вашингтонского консенсуса», а той консервативной ветви теории и политики, которая возобладали в период президентства Дж. Буша-младшего.

Вашингтонский консенсус (ВК), сформулированный английским экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 г., призван был выделить основные правила экономической политики, с которыми могли согласиться умеренные представители различных макроэкономических школ в рамках мэйнстрима. Они отражали позицию администрации США, МВФ, Всемирного банка и ведущих американских аналитических центров.⁵ Колодко винит ВК в создании предпосылок для развития кризиса системы международных финансов и в ошибках, допущенных при разработке планов трансформации административных экономик в рыночные (с.134).

При оценке ВК следует учитывать характер применения этого свода правил в отдельных странах. МВФ с середины 1990-х годов стал настаивать на том, чтобы страны, во исполнение соответствующего пункта ВК, шли на либерализацию своих капитальных счетов. Последствия свободы перемещения портфельных инвестиций и ссудного капитала проявились в азиатском финансовом кризисе 1997 г. По версии Д. Уильямсона, требование либерализации потоков капитала в ВК сознательно ограничивались прямыми иностранными инвестициями, а «не всякого вообще движения капитала».⁶

Неолиберальная политика принципиально путает цели со средствами, утверждает автор (с.133). Не следует, однако, забывать, что именно в США были впервые в мире сформулированы цели экономической политики, которые и по сей день остаются основой передовых представлений в этой области. В 1946 г. Конгресс США принял Закон о занятости, в котором на правительство США возлагалась обязанность использовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы для максимизации трёх переменных величин: занятости, производства и покупательной способности. В данной емкой формулировке тесно увязаны задачи умножения производительных сил с развитием нации. Обеспечение занятости экономически активного населения в условиях интенсивного НТП и изменения структуры хозяйства возможно на основе высокого уровня образования и квали-

фикации. В современных условиях к этим целям следует добавить необходимость обеспечить рациональное использование природных ресурсов, защиту и оздоровление окружающей среды.

Экономическая политика формировалась в США, в том числе, под влиянием достижений американских и английских исследователей природы экономических циклов и закономерностей экономического роста. Их усилия объединило Национальное бюро экономических исследований (НБЭИ - *NBER*), основанное в 1920 г. Уэсли Митчеллом, выдающимся исследователем циклических процессов в экономике. Именно английскими и американскими исследователями была разработана система национальных счётов. Под эгидой НБЭИ, начиная с 1937 г. ведётся систематическое исследование закономерностей формирования доходов и богатства (*Studies in Income and Wealth*). Д.М.Кейнс, Й.А.Шумпетер, С.Кузнец, Э.Ф.Денисон, Д.У.Кендрик, Р.М.Солоу, Д.У.Йоргенсон, К.Фримэн – вот далеко не полный перечень представителей англо-саксонского течения экономической мысли, внесших выдающийся вклад исследование закономерностей социально-экономического развития и научно-технического прогресса.

Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что уже на протяжении более 100 лет США удерживают лидерство в области НТП и экономического роста, а экономики, придерживающиеся англосаксонской либеральной модели, обеспечивают на протяжении последних 30 лет более высокую степень занятости рабочей силы, чем страны континентальной Западной Европы с социальным рыночным хозяйством.

Вопреки расхожим представлениям, что в неолиберальной модели государству отводится роль «ночного сторожа», на самом деле преобладает прагматический подход, согласно которому государство должно дополнять частное предпринимательство в тех областях, где это необходимо в общественных интересах. Данные статистики говорят о возрастающей роли государства в развитии экономики США. В период 1929-38 гг. расходная часть государственного бюджета США, с учётом перечислений на социальное обеспечение, выросла с 9,5 до 20,2% ВВП. С 1949 по 1959 г. эта доля увеличилась с 21,9 до 25,8%, и до 29,1 – в 1969 г. Начиная с 1970 г., она находилась в преде-

лах 30–33%. Последняя рецессия ознаменовалась рекордными для США показателями: 34,8% ВВП в 2008 и 37,6 – в 2009 г.⁷

Можно назвать две причины закономерного роста роли государства в экономике. Во-первых, в современных условиях возрастает значение общественных благ, таких как фундаментальная наука, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, сетевая инфраструктура, развитие которых требует мощной финансовой поддержки со стороны государства. Во-вторых, возможности регулирования экономики и распределения доходов со стороны государства тем больше, чем значительнее часть ВВП, перераспределяемая при посредстве государственного бюджета. В этом втором случае следует оговориться, что многое зависит от средств и механизмов достижения поставленных целей. Ибо возможно не только благотворное, но и разрушительное влияние государственного вмешательства в экономику. Это, по Колодко, вопрос выбора между «хорошей стратегией» и «ущербной политикой».

Прежде чем перейти к вопросу о методах достижения целей экономической политики отметим несовершенство определений её целей, представленных в книге. На странице 101 целью называется «социально-экономическая динамика – темпы роста, подкрепляемые финансово, экономически, социально и экологически». При такой постановке, трудно проследить степень выполнения поставленных целей, за исключением достигнутых темпов экономического роста. От этого недостатка не свободно и другое определение, в котором автор утверждает, что переход к рыночной экономике служит достижению «более высокой цели – долгосрочного развития, сбалансированного с точки зрения социально-экономических и экологических параметров» (с. 106).

Оговорка относительно сбалансированности экономического роста весьма существенна. Особенность экономического роста России в первом десятилетии XXI века состояла в том, что она базировалась на хищнической эксплуатации природных ресурсов. Согласно расчётам руководителя Экономической экспертной группы при правительстве РФ Е.Т. Гурвича, природная рента только в углеводородном комплексе составляла в последние годы в среднем 25% ВВП. В 2008 г. она достигла максимальной величины за последнее десятилетие – 27,9% ВВП.⁸

Можно предположить, что на протяжении первой четверти XXI в. будет преобладать благоприятная конъюнктура для экспорта сырья. В этом смысле экономический рост гарантирован России на длительную перспективу. Однако рост за счёт добывающей промышленности, в которой занято менее 1,5% рабочей силы отнюдь не способствует развитию российской нации. В большинстве регионов России значительная часть населения не имеет работы, или имеет работу, не соответствующую профессиональным возможностям и не обеспечивающую прожиточный минимум. По оценке Е.Ш. Гонтмахера, 1-2% населения России купается в роскоши, 10-15% живёт за счёт обслуживания названной верхушки, и не менее 40% «ежедневно борется за выживание, считая каждую копейку».⁹

Вопрос о средствах и механизмах достижения поставленных целей вызывает в среде экономистов теоретиков и политиков наибольшие споры. Основные рычаги воздействия государственных институтов на экономику связаны с формированием доходной и расходной части государственного консолидированного бюджета и регулированием денежно-кредитного обращения. Наибольший интерес для России представляет вопрос о формировании налогово-бюджетной политики, тогда как эффект регулирования денежно-кредитного обращения в России не сопоставим с возможностями США.

Огромные возможности США в части регулирования денежно-кредитного обращения и воздействия по этой линии на состояние экономики связаны с тем, что их национальная валюта является основной резервной валютой международных расчётов. Последствия избыточной эмиссии долларов компенсируются в масштабе мирового хозяйства. В России усилия по поддержке банков и других учреждений финансового сектора практически никак не отражаются на состоянии реального сектора экономики. В виду высокой интенсивности инфляционного процесса невозможно обеспечить долгосрочные рублёвые кредиты на приемлемых для промышленности условиях.

Российские предприятия обрабатывающей промышленности нуждаются в поддержке для модернизации, но вынуждены обходиться собственными средствами, которых явно не хватает. Большая часть капиталовложений (око-

ло 97%) российского энергомашиностроения осуществляется за счёт собственных средств. Износ основных фондов предприятий энергомашиностроения достигает 54-57%, в т.ч. машин и оборудования – 75%, испытательного и стендового оборудования – 90-100%.¹⁰ Возможно положение российского машиностроения, как и всей обрабатывающей промышленности, было бы существенно лучше, если бы ей не предлагали кредит на заведомо неприемлемых условиях взамен части прибыли, изъятой в форме налога.

В этой связи значительный интерес вызывает трактовка налоговой политики в книге Колодко. Автор выступает противником линейной (плоской) шкалы обложения доходов. Он полагает, что экономисты лгут, когда утверждают, что линейное обложение прибыли служит созданию «лучших условий для формирования капитала и инвестирования» (с. 73). На самом деле, по его мнению, снижаются налоги на тех, у кого доходы выше «путём перекладывания издержек этой операции на группы с низкими доходами» (там же). Однако далее в монографии позиция автора модифицируется. Он пишет, что «необходимо постепенно переносить бремя налогообложения с прямых и косвенных налогов на доходы и расходы на налоги, прямо связанные с эксплуатацией и загрязнением природной среды» (с. 171).

Встаёт вопрос, какие или в какой области налоги следует снижать. Делать это следует в интересах развития производительных сил, рационального использования природных ресурсов, защиты окружающей среды и обеспечения нации работой, благодаря которой в полной мере используются возможности накопленного и рост в будущем человеческого капитала. В равной степени важен и вопрос, какие или в какой области необходимо повышать налоги для достижения тех же целей.

Например, налог на эксплуатацию природных или в российской версии налог на добычу полезных ископаемых должен быть прогрессивным, а ставки обложения зависят от характеристик месторождения. Высшие ставки его должны быть достаточными, чтобы полностью изымать природную дифференциальную ренту, т.е. сверхприбыль, которая должна принадлежать нации как собственнику природных ресурсов.

В 2008 г. часть природной углеводородной ренты размером, эквивалентным 5,1% ВВП, оставалась у добывающих нефть и газ компаний.¹¹ Этого достаточно, чтобы компании не утруждали себя заботами о внедрении передовых методов извлечения полезных ископаемых, об использовании попутных газов, факелы которых освещают месторождения в любое время суток и года, а ограничивались снятием сливок с наиболее продуктивных месторождений.

С другой стороны, столь большое вознаграждение в форме природной ренты от добычи делает не выгодным вложения в обрабатывающую промышленность, в которой доходность намного ниже. Нефтяные компании не готовы без поддержки государства вкладываться в нефтепереработку внутри страны, предпочитая выплачивать непомерно большие дивиденды или создавать предприятия за рубежом, несмотря на высокий износ фондов нефтяной и газовой промышленности в России.

Значительная часть углеводородной ренты используется для субсидирования внутренних потребителей природного газа. На это расходуется часть углеводородной ренты, эквивалентной, по оценке Е.Т. Гурвича, 8,7% ВВП (2008 г.), или без малого 1/3 общей суммы углеводородной ренты.¹² В результате внутренняя цена на природный газ во много раз меньше той, которую платят за тот же газ потребители в странах ЕС. Цена, по которой обходится природный газ российским потребителям, является мощнейшим тормозом внедрения энергосберегающей техники. Глупо экономить на дешёвом и удобном энергоносителе, если стоимость сэкономленного газа окажется меньше расходов на эксплуатацию техники, благодаря применению которой уменьшается расход топлива.

Необходимо прогрессивное налогообложение собственников земли и недвижимости. Прогрессивное налогообложение подразумевает освобождение от налога мелких собственников. Высокие налоги на крупных собственников – это не только шаг в сторону социальной справедливости, но и заслон против формирования монопольной собственности. Это шаг в направлении формирования конкурентной среды, борьбы с коррупцией и финансовыми махинациями.

Налоги на потребителя или налоги на расходы должны быть прогрессивными, что подразумевает низкие или даже нулевые ставки на предметы первой необходимости, на которые тратится основная часть бюджетов семей с самыми низкими душевыми доходами. Ставки должны возрастать вместе с ценой приобретаемого товара или услуги. Это не только шаг в сторону социальной справедливости, но и в направлении рационализации расходов, поощрения сбережений, столь необходимых для финансирования вложений в создание новых рабочих мест.

Плоская и по возможности низкая, а может быть и нулевая ставка налога на прибыль и трудовые доходы необходима в России для отраслей, ключевых для достижения целей экономического развития. Это касается, прежде всего, обрабатывающей промышленности, которая сама по себе обеспечивает качественную занятость значительной части рабочей силы, а, кроме того, служит основой модернизации народного и домашних хозяйств. Такого же подхода заслуживают в России физические и юридические лица, занятые в сельском хозяйстве, а также те, кто строит и обновляет объекты инфраструктуры с длительным сроком окупаемости.

В этом смысле необходимо поощрять не только тех, кто создаёт передовую технику, но и тех, кто её использует. Основной макроэкономический эффект связан именно с применением техники. Введение прогрессивного налогообложения в обрабатывающей промышленности было бы равноценно наказанию за успешную работу. Дифференциальная рента в обрабатывающей промышленности возможна, но она имеет источник не благоприятные природные условия, а передовую технику. Такая монополия не преследуется, но даже охраняется на определённый срок патентным законодательством и правом на коммерческую тайну в интересах финансирования и окупаемости затрат исследований и разработок (ИиР).

В заключении о предпочтении, которое Колдико отдаёт модели социального рыночного хозяйства, характерной для стран западноевропейского континента по сравнению с англосаксонской моделью, которая в его интерпретации подаётся как «империя зла». Обе моде-

ли переживают кризис в связи с конкуренцией со стороны крупных успешно развивающихся стран, но экономика ЕС находится в более глубоком кризисе, чем США.

Для США возможно было бы достаточно снизить ставки налогов на прибыли в обрабатывающей промышленности, где конкуренция в условиях глобализации ощущается наиболее остро, и тем самым способствовать созданию рабочих мест. Возможно, было бы целесообразно для США, по совету ведущего комментатора *Financial Times* Мартина Вольфа, ввести налог на добавленную стоимость,¹³ с помощью которого большинство стран ОЭСР надеются решить проблему дефицита государственного бюджета.¹⁴

Для ЕС недостаточно реформировать налоговую систему. Для выживания необходимо реформировать законодательство о труде и социальном обеспечении. Модернизация трудового законодательства необходима для облегчения перемещения рабочей силы из традиционных отраслей в новые. Социальное законодательство в нынешнем виде поощряет иждивенчество, особенно нетерпимое в условиях обострения конкуренции. Понятно сопротивление со стороны тех, кто пользуется благами социального рыночного хозяйства. Колодко не одинок в симпатиях к этой модели, особенно в её скандинавском варианте. Жизнь, однако, подталкивает страны ЕС к модификации континентальной модели в направлении англо-саксонской, поскольку требуется более высокая способность приспособления к жесткой конкуренции, порождаемой глобализацией.

В целом новая книга Г.В.Колодко интересна тем, что стимулирует интерес к наиболее актуальным проблемам современного развития и, в том числе, к проблемам стратегии социально-экономического развития России. Хотелось бы разделить оптимизм автора в том, что Россия «уверенно становится большим глобальным игроком и что все мировые проблемы можно решить в сотрудничестве – с Россией, с Китаем, с Индией» (с. 162).

Примечания:

¹ Бальцерович Л. В стратегии реформ мы совпали. - Радио Свобода. 16.12.2009. (<http://www.svobodanews.ru/content/article/1905942.html>)

² Globalisation: The redistribution of hope. – *The Economist*, L., 2010, December 16. (<http://www.economist.com/node/17732859/comments?page=6>)

³ Krugman P. *The Conscience of a Liberal*. – N.Y., L. W.W. Norton&Company, 2007, p. 162.

⁴ *Ibid*, 2007, p. 136, 142.

⁵ Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв. – *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 12, с. 15.

⁶ Браун Г.Г. Рыночное хозяйство и Вашингтонский Консенсус. - *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, № 8, с. 41.

⁷ Рассчитано по: BEA. *National Income and Product Accounts Tables 1.1.5 & 3.1*. – Wash., 2010, February, www.bea.gov/national/Index.htm

⁸ Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике. - *Вопросы экономики*, 2010, № 11, с. 24, Таблица 15.

⁹ Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. – М.: Логос, 2010, с. 78.

¹⁰ Чемоданов Е. Вложить в машины. – *Известия*, 2010, июня 30, Приложение: Российские технологии, с. 3.

¹¹ Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике. - *Вопросы экономики*, 2010, № 11, с. 24, Таблица 15.

¹² Там же. 2010, № 11, с. 24, Таблица 15.

¹³ Wolf M. Obama's economic challenges. – *Financial Times*, L., 2008, November 11. (http://www.ft.com/cms/s/0/73ce7676-b00f-11dd-a795-0000779fd18c.html?nclink_check=1)

¹⁴ Houlder V. EU data set to fuel talk of VAT increase. - *Financial Times*, L., 2010, April 25. (<http://www.ft.com/cms/s/0/f2a38a5c-5092-11df-bc86-00144feab49a.html>)

Библиография:

1. Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв. – *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2010, № 12, с. 15-27

2. Бальцерович Л. В стратегии реформ мы совпали. Радио Свобода. 16.12.2009. (<http://www.svobodanews.ru/content/article/1905942.html>)

3. Браун Г.Г. Рыночное хозяйство и Вашингтонский консенсус. – М.: Логос, 2004, № 8, с. 41.

тонский Консенсус. - Мировая экономика и международные отношения, 2004, № 8, с. 40-44.

4. Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике. - Вопросы экономики, 2010, № 11 с. 4-24.

5. Клинов В. Особенности современной динамики мирового хозяйства. - Вопросы экономики. 2010, № 9, с. 78-92.

6. Клинов В.Г. Проблемы регулирования экономики США в исследованиях Пола Кругмана. Вопросы экономики, 2009, № 8, с. 28-42.

7. Клинов В. Что будет с Россией? - Мировая экономика и международные отношения, 2010, № 9, с. 112-121.

8. Клинов В.Г. Экономика России: итоги роста в контексте международных сопоставлений. - Международная экономика, 2010, № 9, с. 16-25.

9. Колодко Г.В. Глобализация, трансформация, кризис - что дальше? - М.: Магистр, 2011, 176 с.

10. Колодко Г.В. Мир в движении. - М.: Магистр, 2009, 575 с.

11. Колодко Г. Неолиберализм и мировой экономический кризис. - Вопросы экономики, 2010, № 3, с. 56-64.

12. Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. - М.: Логос, 2010, 308 с.

13. Чемоданов Е. Вложить в машины. - Известия, М., 2010, июня 30, Приложение: Российские технологии, с.3.

14. BEA. National Income and Product Accounts Tables 1.1.5 & 3.1. - Wash., 2010, February, www.bea.gov/national/Index.htm

15. Globalisation: The redistribution of hope. - The Economist, L., 2010, December 16. (<http://www.economist.com/node/17732859/comments?page=6>)

16. Houlder V. EU data set to fuel talk of VAT increase. - Financial Times, L., 2010, April 25. (<http://www.ft.com/cms/s/0/f2a38a5c-5092-11df-bc86-00144feab49a.html>)

17. Krugman P. The Concience of a Liberal. - N.Y., L. W.W. Norton & Company, 2007, 296, p.

18. Wolf M. Obama's economic challenges. - Financial Times, L., 2008, November 11. (http://www.ft.com/cms/s/0/73ce7676-b00f-11dd-a795-0000779fd18c.html?nclick_check=1)

Внешнеторговый оборот Москвы вырос на 48,3%

Внешнеторговый оборот Москвы в первом квартале 2010 года увеличился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 48,3% и составил 50,991 млрд долларов. Экспорт столицы в январе-марте 2010 года увеличился на 79,2%, до 34,960 млрд долларов, импорт - на 7,7%, до 16,031 млрд долларов. Доля экспорта во внешнеторговом обороте составляла 68,6%, доля импорта - 31,4%.

Внешнеторговый оборот со странами дальнего зарубежья достиг в январе-марте 2010 года 47,302 миллиарда долларов, со странами СНГ - 3,688 млрд долларов. При этом сальдо торгового баланса оказалось положительным и увеличилось до 18,929 млрд долларов, в то время как в первом квартале 2009 года оно составляло 4,580 млрд долларов.

Соб. инф.